

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

(КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

*Академик АН Молдавской ССР Я. С. Гросул,
Н. А. Мохов, П. В. Советов*

Методологические принципы исследования истории в период перехода от феодализма к капитализму, как известно, едины для всех стран. Однако несомненно существование специфических черт самого процесса этого перехода в отдельных районах.

Аграрная история Молдавии и Валахии, а также других земель юго-востока Европы, находившихся в XVI—XIX вв. под властью Турции, рассматривается чаще всего в современной как зарубежной, так и советской историографии в общих рамках развития Восточной Европы. Такой подход дает возможность изучить сходные черты, свойственные аграрным отношениям в этом обширном и имеющем много общего районе Европы. Но он оставляет в тени особенности аграрной истории юго-востока.

Вместе с тем очевидно, что Юго-Восточная Европа, и в частности Дунайские княжества, о которых и пойдет в основном речь в настоящей статье, имеют (по сравнению с Центральной и Восточной Европой) много своеобразного в развитии и падении феодализма, что не могло не наложить отпечаток и на самый процесс перехода от феодализма к капитализму. Экономическая структура капиталистического общества, подчеркивал К. Маркс, выросла из экономической структуры феодального общества, разложение второго освободило элементы первого. Между тем высказанный недавно М. В. Нечкиной заслуженный упрек в адрес историков в том, что все их силы уходят на изучение «ростков», «элементов», «уклада», а не на «вопрос в целом», включая и феодально-крепостнические отношения, через толщу которых стали пробиваться ростки новых, капиталистических отношений¹, необходимо распространить и на большую часть литературы, освещающей разложение феодализма и генезис капитализма в Молдавии и Валахии. Аграрная историография Дунайских княжеств является наиболее яркой иллюстрацией того, как недостаточное внимание к специфике развития аграрных отношений в период феодализма в этом районе не позволяет понять особенности перехода от феодализма к капитализму. Это обстоятельство усугубляется тем, что при конкретно-историческом рассмотрении феодальной формации в этом районе исследователи (как мы уже отмечали вначале) часто исходили из общих положений, свойственных в целом другим странам Восточной Европы, но в малой степени характерных для условий, которые сложились в Молдавии и Валахии в период развитого и позднего феодализма. Многие из этих своеобразных черт были присущи Дунайским княжествам еще в пору раннего и развитого феодализма

¹ М. В. Нечкина. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. «Вопросы истории», 1963, № 12, стр. 35.

(до турецкого нашествия), однако большая их часть появилась после установления турецкого ига.

В современной историографии влияние турецкого владычества на развитие феодализма в Молдавии и Валахии оценивается не одинаково. В буржуазной исторической литературе, особенно среди современных геосториков, возникло направление, сторонники которого считают, что экономические взаимоотношения Дунайских княжеств и Турции были идентичны тем экономическим отношениям, которые сложились в XVI—XVIII вв. между Восточной и Западной Европой. В современной французской историографии такие взгляды отстаивает Ф. Бродель, в турецкой — ряд авторов, в том числе известный медиевист О. Л. Баркан; подобной позиции придерживаются и некоторые румынские историки-эмигранты, пишущие ныне в Западной Германии.

Консервация феодальных отношений, усиление крепостничества имели, по мнению Ф. Броделя, единые корни в Восточной и Юго-Восточной Европе, в том числе и в Дунайских княжествах XVI—XVII вв. Такая общность стала реальностью, утверждает французский ученый, вследствие производства зерна на экспорт. «Зерно и крепостничество,— заключает Ф. Бродель,— находятся в той же взаимозависимости, которая издавна связывает в колониях сахар и невольничество, хлопок и рабство»². Товары Дунайских княжеств находили сбыт на турецком рынке, так же как сельскохозяйственная продукция других стран, лежащих на восток от Эльбы, находила сбыт в Западной Европе. «Если Польша и Россия,— заявляет он,— могли отправлять свой хлеб по Балтийскому морю, то Дунайские княжества отправляли его с такой же выгодой по Черному и Средиземному морям в Константинополь»³. В этом французский автор видит основной стимул к приспособлению феодального хозяйства Молдавии и Валахии к более развитым товарно-денежным отношениям. Это хозяйство, согласно его мнению, привело здесь (так же, как в Польше и России) к тому, что феодалы, заинтересованные в экспорте хлеба, перестраивали свои имения по типу польского барщинно-фольварочного хозяйства.

Точка зрения Ф. Броделя получила поддержку в современной французской (Г. Лебел, Р. Мантран и др.)⁴ и турецкой историографии. В рецензии на монографию Ф. Броделя турецкий медиевист О. Л. Баркан поддержал его основные положения⁵. На XI Международном конгрессе историков в Стокгольме он выступил с тем же тезисом: необходимо включать балканские районы Турецкой империи в общую зону Центральной и Восточной Европы, где в XVI—XVIII вв. происходила перестройка феодального хозяйства по барщинному пути⁶. О. Л. Баркан не видит существенных различий между Юго-Восточной и Восточной Европой. Между тем такая постановка вопроса не соответствует действительности, особенно в отношении Дунайских княжеств.

Количество вывозимого из Молдавии и Валахии зерна в Турцию в самом деле к концу XVI в. возросло. В этом отношении Ф. Бродель прав.

² F. Braudel. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris. 1949, p. 642.

³ *Ibid.*

⁴ G. Lebel. *La France et les Principautés Danubiennes (du XVIe siècle à la chute de Napoléon Ier)*. Paris. 1955, pp. 311—316, 336, 400; R. Mantran. *Istanbul dans le second moitié du XVIIe siècle*. Paris. 1962.

⁵ O. L. Barkan. *La Méditerranée de Fernand Braudel vue d'Istanbul*. «Annales. Economies, Sociétés. Civilisations». Paris, IX (1954), № 2, pp. 189—200.

⁶ O. L. Barkan. *Le régime féodal et l'Empire Ottoman*. «XI Congrès International des Sciences Historiques, Resumes des communications». Stockholm. 1960, p. 157. Такие же выводы делает и румынский историк П. Панаитеску. Характеризуя развитие феодализма в Османской империи во второй половине XVI—XVII вв., он говорит, что здесь, как и в других странах Восточной Европы, важнейшей чертой в тот период была «перестройка феодальных владений в предприятия, производящие зерно для рынка» («Istoria României»). Vol. III. București. 1964, p. 5).

Однако объем вывоза скота в Турцию по-прежнему намного превосходит вывоз зерна⁷. И, что самое главное, подавляющая часть зерна отправлялась в качестве обязательных и принудительных поставок по заниженным ценам, а часто и бесплатно, в счет дани⁸.

А это меняет постановку вопроса, ибо подобный характер внешнего рынка скорее тормозил, нежели способствовал развитию товарности сельского хозяйства в стране, экспортирующей продукты.

В современной румынской и советской литературе дается в целом правильная оценка характера турецкого ига в Молдавии и Валахии как отрицательного фактора, тормозящего экономическое развитие страны. Такой вывод сделан в работах румынских историков М. Берза, Б. Кымпина, Д. Миока, Шт. Штефэнеску, Е. Стэнеску, П. Панаитеску, К. Чиходару и других, а также советских авторов Л. В. Черепнина, Ф. А. Грекула, Е. М. Руссева, И. М. Шлаена и других. Подобную оценку мы встречаем и в последнем бухарестском академическом издании «Истории Румынии»⁹. Но в одном вопросе авторы этого труда противоречат принятой точке зрения. Присоединившись к распространенной в современной историографии концепции, согласно которой усиление крепостничества в XVI—XVII вв. связано с массовым экспортом зерна, и не располагая для Дунайских княжеств другими данными, кроме данных его вывоза в Турцию, автор соответствующего раздела «Истории Румынии» — один из наиболее серьезных исследователей валахского феодализма, Д. Миок, — хочет он того или нет, но, по сути дела, разделяет в этом вопросе позицию Ф. Броделя¹⁰. Но чтобы как-то сгладить противоречащее всей книге впечатление о выгодном характере вывоза хлеба в Турцию (при этом автор считает, что только экспорт зерна может объяснить рост вотчинного производства и усиление крепостничества в Дунайских княжествах XVI—XVII вв.) Д. Миок заявляет, что зерно из Молдавии и Валахии шло не только в Турцию, но и в города Средиземноморья, особенно в Венецию, Рагузу (Дубровник), Мессину и Геную, которые будто бы, как и Константинополь, начиная со второй половины XVI в. снабжались «преимущественно румынской пшеницей»¹¹. Такая точка зрения не была подкреплена материалами источников. Более того, сведения, приведенные Ф. Броделем и Р. Мантраном о средиземно-

⁷ В 1591 г. из Молдавии было отправлено в Турцию 140 209 овец на сумму 5 672 117 аспров (С. Turcu. *Cele mai vechi statistici moldovenești. «Studii și cercetări științifice»*. Iași. 1956, fasc. 2, p. 72). Стоимость самого большого количества вывезенного зерна, о котором говорят источники конца XVI в., — 100 тыс. константинопольских кил (кила — около 22 кг) — по более высоким ценам константинопольского рынка равнялась примерно полутора миллионам аспров. Кроме мелкого скота, в Турцию отправлялись тысячи голов крупного рогатого скота, а также продукты животноводства. Сумма от вывоза этих товаров по меньшей мере в четыре раза превышала сумму, получаемую от вывоза зерна.

⁸ М. М. Alexandrescu-Dersca. *Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinopol. «Studia et acta Orientalia»*. Vol. I. București. 1958, p. 23. Не случайно у нас нет ни одного источника XVI — начала XVII в., свидетельствующего о закупке в Молдавии турецкими купцами хлеба непосредственно у товаропроизводителей. В основном зерно получали за счет государственных податей, взимаемых с населения. Часто вместо хлеба собирались деньги, а потом производилась его закупка в других странах. Об этом говорит и один молдавский документ конца XVI в., приоткрывающий завесу над тем, откуда бралось зерно для вывоза. Господарская грамота 1582 г. упоминает о некоем Вэскане Мовиле, бывшем пыркалабе (уездный начальник), который вынужден был продать свои села для уплаты долга греку Лифтирию. Заем пыркалаб сделал в те времена, когда он собирал деньги в Сучавской волости для закупки пшеницы, предназначенной «для Гэлац», то есть для отправки в Турцию («Documente privind Istoria României, A. Moldova». *Veacul XVI, vol. III, p. 182*). Румынский историк А. Оцета также рассказывает о закупке зерна за границей для отправки в Турцию («Istoria României». Vol. III, p. 624).

⁹ «Istoria României». Vol. II. București. 1962, pp. 776—799; vol. III, pp. 13—28.

¹⁰ Ср.: F. Braudel. *Op. cit.*, pp. 464, 642; «Istoria României». Vol. II, pp. 843—844.

¹¹ «Istoria României». Vol. II, p. 844.

морской торговле в XVI—XVII вв.¹², позволяют усомниться в правильности того, что итальянские города снабжались во второй половине XVI в. «преимущественно румынской пшеницей»¹³.

Разумеется, при такой постановке вопроса об экспорте хлеба должна была родиться теория об относительно высоком уровне развития барского земледельческого хозяйства в Молдавии и Валахии XVI—XVIII веков. Подобная концепция действительно появилась и получила довольно широкое распространение. Одни авторы считали, что главным толчком роста барского земледельческого хозяйства был экспорт зерна на юг Дуная (Д. Миок, Х. Кирка, Шт. Штефанеску, Ш. Папакостя)¹⁴, другие, отмечая большой удельный вес внешнего турецкого рынка в развитии барского хозяйства, решающее значение придавали внутреннему рынку (П. П. Панаитеску, В. Костакел и др.)¹⁵.

Поскольку до недавнего времени большинство советских и румынских авторов априори исходили из общности указанных процессов во всех странах к востоку от Эльбы, включая Дунайские княжества, постольку такая постановка вопроса стала господствующей даже среди тех историков, которые утверждали, что турецкое иго сказалось отрицательно на развитии товарно-денежных отношений¹⁶. Эта точка зрения нашла отражение также во II и III томах (первой части) «Истории Румынии»¹⁷.

Однако с самого начала такая концепция порождала всевозможные сомнения, которые постепенно умножались по мере появления отдельных работ, подтачивающих ее основы. Ряд историков обратил внимание в первую очередь на то, что наиболее товарными отраслями сельского хозяйства в Валахии и особенно в Молдавии было животноводство и виноградарство, а товарное зерновое производство до начала XIX в. занимало незначительное место. В настоящее время благодаря работам А. Оцети, С. Колумбяну, К. Чиходару, Н. А. Мохова, В. Я. Гросула это можно считать доказанным¹⁸. Любопытно в этом отношении та эволю-

¹² Работы французских ученых в этой части основаны на огромном количестве источников и представляют большой интерес.

¹³ Количество зерна, вывозимого из Дунайских княжеств, только в отдельные годы достигало 2% общего объема средиземноморской торговли хлебом, ежегодный оборот которой, по подсчетам Ф. Броделя, составлял во второй половине XVI в. свыше 2 млн. центнеров. Известно, что только Молдавия вывозила не более 22 тыс. центнеров (F. Braudel. Op. cit., pp. 283, 453—454). В итальянские города Апеннинского полуострова действительно поступало зерно из Турецкой империи, но это была не румынская пшеница. Зерно поступало преимущественно из Египта и реге с равнин, прилегающих к Эгейскому морю (F. Braudel. Op. cit., pp. 452, 460—461. См. также R. Mantran. Op. cit., p. 188).

¹⁴ D. Mioc, H. Chirca, St. Ctefanescu. L' evolution de la rente f eodale en Valachi et en Moldavie du XVI au XVIII siecle. «Nouvelles etudes d'histoire». Bucuresti. 1960, p. 237; S. Papacostea. Relatiile agrare in Tara Romineasca in prima jum atate a sec. XVIII-lea. «Studii si materiale de istorie medie». Vol. III, 1959, pp. 234—235, 266—299.

¹⁵ P. P. Panaitescu. Dreptul de stramutare al taranilor in Tarile Romine (pina la mijlocul secolului al XVII-lea). «Studii si materiale de istorie medie». Vol. I, 1956, p. 81; V. Costachel, P. Panaitescu, A. Cazacu. Viaa feudala in Tara Romineasca si Moldova (sec. XIV—XVII). Bucuresti. 1957, pp. 121—122; «Istoria Romniei». Vol. III, pp. 5, 71.

¹⁶ «История Молдавии». Т. I. Кишинев. 1951, стр. 176—177, 268; Ф. А. Грекул. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев. 1961, стр. 193.

¹⁷ «Istoria Romniei». Vol. II, pp. 826, 843, 853; vol. III, p. 571.

¹⁸ S. Colombeanu. Date privitoare la economia agrara din Tara Romineasca in prima jum atate a secolului al XVIII-lea. «Studii». Bucuresti. 1962, № 1; e jusd. Caracterul exploatarii feudale a taranirii in deceniile anterioare rascoalei lui Tudor Vladimirescu. «Studii», 1961, № 3; C. Chiodaru. Branistile si problema aparitiei rezervei senioreale in Moldova. «Analele stiintifice ale Universitatii Al. L. Cuza din Iasi». Sec. III, t. III, fasc. 1—2; A. Osetea. Consideratii asupra trecerii dela feudalism la capitalism in Moldova si Tara Romineasca. «Studii si materiale de istorie medie». Vol. IV, 1960, p. 333; H. Moxov. K вопросу o соотношении земледелия и скотоводства в

ция взглядов, которая наблюдается в изданных в разное время отдельных томах «Истории Румынии», и то разительное противоречие, которое мы видим между разделами, написанными разными авторами. Если во втором томе, вышедшем в 1962 г., зерновое производство для второй половины XVI — начала XVII в. характеризуется как основная и наиболее товарная отрасль сельского хозяйства Дунайских княжеств¹⁹, то в третьем томе, который вышел в 1964 г. (особенно во второй части тома, охватывающего вторую половину XVIII — начало XIX в.), животноводство уже рассматривается как «главная отрасль», приносящая основной доход в крестьянском и барском хозяйствах²⁰. Причем тут дело не в действительных изменениях в хозяйстве за XVI—XVIII вв. (и даже не в крене от земледелия к животноводству), а в той эволюции, которую претерпел данный вопрос в работах ряда советских и румынских историков за последние годы²¹.

В соответствии с этой эволюцией концепция о массовом экспорте хлеба, менявшем облик феодального хозяйства и создававшем заинтересованность бояр и монастырей в росте барской запашки, выдвинутая во втором томе «Истории Румынии», в третьем томе (первая часть) проводится непоследовательно, а во второй части того же тома румынские историки уже прямо оспаривают в целом эту постановку для периода до XIX века. «До эпохи Органического регламента, — написано в книге, — самыми исконными и основными (для экспорта. — Авт.) продуктами был скот... К производству пшеницы не было интереса из-за притязаний Порты. Господари не имели права располагать даже самым ничтожным количеством зерна для экспорта. Поэтому бояре производили мало хлеба для рынка»²². И лишь «в начале XIX в. зерновые продукты начинают отодвигать скот с первого места»²³. По мнению авторов второй части третьего тома «Истории Румынии», в Дунайских княжествах ранее отсутствовало крупное барское землевладельческое хозяйство, оно стало создаваться довольно активно лишь в первой половине XIX века²⁴.

Подобные свидетельства об отсутствии до XIX в. барской запашки в крупных размерах и господства в вотчинном хозяйстве таких отраслей, как животноводство, виноградарство и пчеловодство, помогают понять, почему натуральная рента продолжала быть основной, а барщина, несмотря на ее некоторый рост, разительно отличалась по своему удельному весу от барщины других стран Центральной и Восточной Европы. В Молдавии во второй половине XVII — середине XVIII в. она исчислялась в размере от 6 до 24 дней в году. В других странах она обычно превышала этот уровень во много раз. Однако дело заключается не только в том, что животноводство как наиболее товарная отрасль вотчинного хозяйства была менее трудоемкой, чем зерновое производство, а виноградарство и пчеловодство требовали постоянного контингента квалифицированных рабочих рук и меньше были связаны с барщинным трудом всей массы зависимых крестьян. Еще по одной, существенной причине в Молдавии и Валахии XVI—XVIII вв. мы не наблюда-

экономике Молдавии XIV—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960 г.». Киев, 1961, стр. 95—107; В. Гросул. О соотношении животноводства и земледелия в Дунайских княжествах в начале XIX в. «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. 65, 1963, стр. 109—123.

¹⁹ «Istoria României». Vol. II, pp. 826—830, 831—833.

²⁰ «Istoria României». Vol. III, pp. 45, 639, 665—671, 947.

²¹ Не случайно А. Оцета, отмечая в третьем томе «Истории Румынии», что животноводство в XVIII — начале XIX в. являлось главной отраслью сельского хозяйства, в другой работе подчеркивает, что такое положение наблюдалось и ранее (А. Оцета. Op. cit., p. 333).

²² «Istoria României». Vol. III, p. 667.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., pp. 639—640, 945—948, 950—955, 1147—1150.

даем тех же масштабов перестройки хозяйства и роста барщины, как в других странах развитого барщинно-фольварочного хозяйства Центральной и Восточной Европы.

Румынские историки А. Оцетя и С. Колумбяну для Валахии конца XVIII — начала XIX в.²⁵, а советские исследователи П. Г. Дмитриев и П. В. Советов для Молдавии XVII — начала XIX в.²⁶ поставили вопрос о том, что в результате огромного роста государственных повинностей и сокращения феодального иммунитета централизованный путь присвоения прибавочного продукта с крестьян стал во много раз превосходить вотчинные повинности и доходы. Последние авторы доказывают, что свойственные многим странам к востоку от Эльбы перемены в организации феодального хозяйства происходили в Дунайских княжествах в тяжелых условиях установившегося турецкого ига. И хотя эти княжества и не были превращены в пашалык (области в султанской Турции, управляемые пашами.— *Авт.*), сохранив в общих чертах тот же социально-экономический и политический строй, который существовал здесь ранее, молдавские и валашские феодалы должны были делить прибавочный продукт с иноземными угнетателями. Все это накладывало серьезный отпечаток как на масштабы хозяйственной перестройки, так и на формы эксплуатации крестьян. Основная часть доходов, которую получало турецкое феодальное государство из Молдавии и Валахии, взыскивалась посредством государственных податей с крестьян. Такое тяжелое бремя значительно сковывало возможности увеличения той части прибавочного продукта, которая присваивалась феодалами путем непосредственной эксплуатации крестьян в феодальной вотчине, и сказывалось на темпах роста вотчинного производства и вотчинных доходов.

Часть молдавского и валашского боярства учла сложившуюся ситуацию и пыталась извлечь значительную часть доходов тем же централизованным способом, которым пользовались иноземные угнетатели. Усиливавшийся турецкий гнет приводил ко все более прогрессирующему возрастанию той части прибавочного продукта, которая взыскивалась через государственные органы.

П. Г. Дмитриев и П. В. Советов пришли к выводу, что в Молдавии постепенно сложилось такое соотношение между вотчинными и государственными повинностями крестьян, при котором централизованный способ присвоения прибавочного продукта превосходил в XVIII в. в 4—8 раз сеньориальную ренту, в то время как в большинстве стран Восточной Европы положение было иным. Румынский историк С. Колумбяну подсчитал, что в соседнем Валашском княжестве в начале XIX в. это превосходство государственных податей над вотчинными повинностями было более чем в 3—4 раза²⁷.

Однако в отличие от румынских ученых, которые считают, что централизованная система феодальной эксплуатации возросла и стала господствующей именно в последней четверти XVIII — первой трети XIX в., советские историки П. Г. Дмитриев и П. В. Советов доказывают, что этот процесс наблюдался с конца XVI в. и развивался на всем протяжении XVII — середины XVIII в., достигнув во второй половине XVIII в. своего апогея. После этого времени началось падение удельного веса

²⁵ A. Oțetea. Op. cit., p. 355; S. Col umb e a n u. Caracterul exploătarii feudale a țărănimii., pp. 583—587; e j u s d. Economia domeniului feudal din Moldova și Țara Românească la începutul secolului al XIX-lea. «Studii», 1965, № 2, p. 349; «Istoria României». Vol. III, pp. 701—855.

²⁶ П. Дмитриев, П. Советов. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв. (в порядке постановки вопроса). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.». Вильнюс. 1965.

²⁷ S. Col umb e a n u. Caracterul exploătarii feudale a țărănimii., p. 586.

централизованной и рост вотчинной, сеньориальной эксплуатации. Одним из важнейших этапов в этом процессе изменения удельного веса в пользу вотчинной эксплуатации был период после Адрианопольского договора 1829 г. и Органического регламента 1831 г., поскольку с этого времени вотчинное хозяйство и вотчинная торговля сделали огромный скачок в своем росте, а объем податей мало изменился.

По мере того как в Дунайских княжествах до XIX в. оформлялась подобная система централизованной феодальной эксплуатации, начала создаваться и соответствующая ей система «внеэкономического принуждения». Этому содействовали аграрные реформы середины XVIII века. По поводу того, что до этого времени (XVI — начало XVIII в.) в Молдавии и Валахии сложилась система крепостного права, во многом напоминавшая ту, которая имела место в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, в современной литературе серьезных разногласий не было. Об этом свидетельствуют статьи и монографии советских историков Е. М. Руссева, Ф. А. Грекула, Н. А. Мохова, И. М. Шлаена, П. В. Советова и румынских авторов П. Панаитеску, Д. Миока, В. Костакала и других.

Пожалуй, лишь историк А. Оцетя считает, что в XVI — середине XVIII в. в Молдавии господствовала отличная от всей Восточной Европы система крепостничества, которую он именует «дворовым рабством» и которую, по его мнению, другие страны пережили еще в период раннего феодализма²⁸. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Если характер крепостного права в Молдавии и Валахии в XVI — середине XVIII в. не вызвал особых разногласий, то аграрные реформы середины XVIII в. стали своего рода камнем преткновения в современной историографии. По мнению одних исследователей, законодательство 1746—1749 гг. в Дунайских княжествах появилось в условиях разложения феодальных и возникновения капиталистических отношений (В. Ханга, Н. Кориван, И. Грамадэ)²⁹. Другие авторы (румынские историки А. Оцетя, Д. Миок, Х. Кирка, Шт. Штефэнеску и советские исследователи Я. С. Гросул и Д. М. Драгнев)³⁰, отрицая появление в первой половине XVIII в. капиталистических отношений, вместе с тем признают, что аграрные реформы К. Маврокордата 1746—1749 гг. внесли существенные изменения в систему «внеэкономического принуждения» в молдавской и валахской деревне. Особое мнение на этот счет имеет Ф. А. Грекул, считающий, что аграрные реформы 1746—1749 гг. совсем не изменили установившейся ранее системы крепостного права и ничего нового в развитие аграрных отношений не внесли³¹. Последние работы Д. М. Драгнева опровергают этот взгляд и показывают, что оформленная в XVI—XVII вв. система «вечинита» (личной крепостной зависимости) была отменена именно в середине XVIII в. в результате реформ К. Маврокордата³².

Однако в выяснении основных причин этих перемен определенности меньше. В литературе высказывались различные мысли по этому вопросу. Д. Миок, Х. Кирка, Шт. Штефэнеску утверждают, что реформы—

²⁸ A. Oțetea. Op. cit., p. 330.

²⁹ V. Hanga. Istoria statului și dreptului RPR. Ed. III. București. 1957, p. 32; N. Corivan și I. Gramada. Despre gospodăria feudală din Moldova în prima jumătate a sec. al XVIII-lea. «Studii și materiale de istorie medie». Vol. V, 1962, p. 277.

³⁰ A. Oțetea. Op. cit., p. 339; D. Mioc, H. Chirca, Șt. Ștefănescu. Op. cit., p. 229; Д. Драгнев. Аграрное законодательство К. Маврокордата и изменение правового положения молдавских крестьян в середине XVIII века. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г.». Рига. 1963, стр. 252—264; Я. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев. 1956, стр. 144.

³¹ Ф. А. Грекул. Указ. соч., стр. 414.

³² Д. Драгнев. Указ. соч., стр. 259—267; ег. же. К вопросу о праве перехода молдавских крестьян в середине XVIII в. «Известия» АН МССР, № 2, 1963, стр. 43—50.

результат классовой борьбы крестьян³³. П. В. Советов наряду с этим отмечает, что ослабление системы «внеэкономического принуждения» в вотчине молдавского и валашского феодала сопровождалось усилением зависимости крестьян от феодального государства и являлось итогом длительного развития централизованной системы феодальной эксплуатации. В этом плане, как полагает он, следует подходить и к аграрным реформам середины XVIII в., которые, провозгласив отмену личной крепостной зависимости крестьянства от феодала, вместе с тем сохранили его прикрепление к земле как единице налогообложения. Земля являлась основным источником существования крестьянина, который отдавал подавляющую часть прибавочного продукта централизованным путем³⁴. Такое решение вопроса, как нам кажется, стоит ближе к действительному положению вещей и закономерно вытекает из экономической структуры молдавского и валашского феодализма, находившегося в условиях турецкого ига. Подобная постановка вопроса для XVIII столетия наряду с учетом других факторов (обострение классовой борьбы и др.) создает более цельное представление о характере аграрных отношений этого времени.

Исследования советских и румынских историков последних нескольких лет вскрыли еще ряд обстоятельств, на которые ранее мало обращали внимания. Эти обстоятельства очень важны для оценки тех «недр» феодализма, в которых со временем стали зарождаться новые, капиталистические отношения. Среди них следует отметить замедленное развитие процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, обусловленное иноземным гнетом (Шт. Олтяну)³⁵, введение турецкой монополии на экспорт хлеба и ограничение на экспорт скота (Тр. Ионеску, М. Берза)³⁶, отсутствие протекционистской политики и, наоборот, предоставление льгот купцам иностранных держав в торговле на территории Дунайских княжеств³⁷ и многое другое.

Мы, конечно, охватили далеко не весь круг вопросов. Но и те, что были поставлены, позволяют получить представление о том, как в современной историографии обстоит дело с изучением экономической структуры развитого и позднего феодализма в Молдавии и Валахии.

Отличается ли сколько-нибудь социально-экономическая обстановка в Дунайских княжествах от того положения, которое сложилось в большинстве стран Восточной Европы в период разложения феодализма? Думается, что на этот вопрос следует дать положительный ответ. Хотя в развитии княжеств есть много общего с другими странами Восточной Европы, вместе с тем здесь имелись и некоторые специфические черты, свойственные в большей мере юго-востоку Европы, в том числе и балканским районам Турецкой империи. Не случайно болгарский историк В. Мутафчиева в монографии «Аграрные отношения в Османской империи» пришла к выводу, что с конца XVI в. централизованная система феодальной эксплуатации значительно усилилась и охватывала в Болгарии 75—80% всей совокупности прибавочного продукта³⁸. Прав-

³³ D. Mioc, H. Chirca, Șt. Ștefănescu. Op. cit., p. 229; «Istoria României». Vol. III, pp. 389, 439.

³⁴ П. В. Советов. Пути развития крепостного права в феодальной Молдавии (экономические предпосылки и особенности процесса). «Тезисы» докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев. 1964, стр. 169—172.

³⁵ Șt. Olteanu. Mesteșugurile din Moldova în sce al XVII-lea. «Studii și materiale de istorie medie». Vol. III, 1959, pp. 101—218.

³⁶ Тр. Ionescu. Hăteșeriful din 1802 și începutul luptei pentru asigurarea pieții interne a pricipatelor dunărene. «Studii și articole de istorie» Vol. I. 1956, pp. 44—49; «Istoria României». Vol. II, pp. 776—790.

³⁷ «Istoria României». Vol. III, p. 647. 650—652.

³⁸ В. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI. София. 1962, стр. 243.

да, Дунайские княжества находились в несколько ином положении по сравнению с балканскими районами Турецкой империи. В частности, в Молдавии и Валахии не была введена османская военно-ленная система, связанная с распространением государственной собственности на землю, следовательно, здесь не стоял вопрос о превращении государственной собственности на землю в частновладельческую (феодалную или буржуазную). К этой проблеме проявляют большой интерес историки, занимающиеся изучением развитого и позднего феодализма на Балканах³⁹.

Таким образом, на юго-востоке Европы в этом смысле можно видеть две особые зоны развития аграрных отношений в условиях турецкого ига: балканские районы и Дунайские княжества. Объединяло эти зоны юго-востока Европы то, что в XVI—XVIII вв. они имели общие отличительные черты в развитии феодализма по сравнению с Центральной и Восточной Европой (высокий удельный вес централизованной системы феодальной эксплуатации, слабое развитие барской запашки и вотчинного производства, незначительный удельный вес барщины и др.). Вместе с тем каждая из этих зон юго-востока отличалась друг от друга. Причем большая часть специфических черт феодализма, которые отличали балканские районы Турецкой империи от Дунайских княжеств, были, как правило, общими для княжеств и Восточной Европы (например, господство частнофеодального землевладения и др.). В княжествах сложилось определенное своеобразие, заключающееся в сочетании отдельных общих черт с этими районами и особенностей, характерных для молдавского и валахского феодализма. Но не это интересует нас в первую очередь. Наша задача несколько иная: посмотреть, насколько в современной историографии прослеживаются особенности зарождения в этих условиях новых, капиталистических аграрных отношений в Молдавии и Валахии и как освещаются общие закономерности перехода от феодализма к капитализму.

Разрешение вопроса о зарождении капиталистических отношений в Молдавии и Валахии в силу ряда причин было связано с возникшей в последние годы и получившей большую остроту дискуссией о так называемом «втором крепостном праве». В советской историографии этот термин прежде был широко распространен, однако в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы историки избегали им пользоваться. На Московской сессии симпозиума высказывалось мнение, что «второе крепостное право» наблюдается далеко не во всех странах Восточной Европы⁴⁰. В резолюции Минской сессии симпозиума даже говорилось о том, что в России «второе крепостничество» не имело места.

Другое положение сложилось в румынской историографии. Здесь проблема «второго крепостного права» стала в последние годы центральной дискуссионной темой. Начало этой дискуссии положил директор Института истории АН СРР акад. А. Оцета в работах «О переходе от феодализма к капитализму в Молдавии и Валахии» (1960) и «Второе крепостное право в Дунайских княжествах (1831—1864 гг.)», опубликованной в материалах, посвященных XI Международному конгрессу историков в Стокгольме⁴¹. Само название этих работ говорит о подходе автора к интересующей нас теме. «Второе крепостное право», по мнению А. Оцеты, появилось в Молдавии и Валахии путем проникновения капитализма в сельское хозяйство и связано было с кризисом и раз-

³⁹ См. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)». Сборник статей. М. 1962, стр. 396—414.

⁴⁰ «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г.». М. 1961, стр. 366.

⁴¹ А. Oțetea. Op. cit., pp. 307—390; e jusd. Le second servage dans les Principautés danubiennes (1831—1864). «Nouvelles études d'histoire». Bucaresti. 1960, pp. 325—346.

ложением феодальной формации⁴². При этом автор дает такую же оценку «второму крепостничеству» и в других странах Центральной и Восточной Европы, где эти процессы протекали, как он утверждает, несколько раньше, чем в Молдавии и Валахии. А. Оцета исходит из того положения, что «второе крепостное право» имело место в «Восточной Германии, Польше, Богемии, Венгрии и России. Так было, — пишет он, — и в Дунайских княжествах с единственной разницей, что второе закрепощение было здесь более медленным и поздним процессом из-за турецкого владычества, которое не стимулировало, а подавляло развитие производительных сил»⁴³. Эти слова являются как бы ответом румынского историка на статью С. Д. Сказкина о «втором крепостном праве» в Средней и Восточной Европе⁴⁴, в которой советский исследователь подчеркивал, что земли Южной Европы, «входившие некогда в состав империи Османов», остаются вне поля зрения в смысле распространения «второго крепостничества»⁴⁵.

В Дунайских княжествах «второе крепостничество» оформляется, согласно периодизации А. Оцети, в 30-х годах XIX в. и заканчивается буржуазной реформой 1864 года. «Причины этой задержки до 1829 г., — пишет он, — заключались в первую очередь в турецкой монополии, а также в слабом развитии городов и внутреннего рынка»⁴⁶. Теперь становится ясным (если следовать за автором), почему молдавские и валашские крестьяне в XVI — середине XVIII в. не играли почти никакой роли в феодальном хозяйстве, занимаясь в основном дворовой службой и перевозками, и находились, по его мнению, в состоянии «дворового рабства». Все это необходимо было ему для того, чтобы показать, что в середине XVIII в. аграрная реформа К. Маврокордата дала крестьянам личную свободу и вместе с этим закончился период «рабства дворовой службы». Во второй половине XVIII в., отмечает автор, произошло ослабление крепостного права, после чего наступил «новый период» — период «рабства барщины», а это привело в 30—60-х годах XIX в. ко «второму изданию крепостного права»⁴⁷.

А. Оцета и поддерживающие его точку зрения историки (Ф. Константину, Н. Г. Григораш, Шт. Папакостя, К. Жюреску и др.) считают возможным рассматривать «второе крепостное право» только в рамках разложения феодализма и генезиса капитализма, говоря о том, что его «второе издание» является общей закономерностью перехода от феодализма к капитализму⁴⁸. Это направление в румынской историографии напоминает другое имевшее в свое время место в литературе направление. Смысл его заключается в том, что некоторые историки распространяли на Англию XIII в. подобные явления, которые были названы Е. Косминским «феодальной реакцией»⁴⁹. Такая постановка проблемы в общем теоретическом плане напоминает прежние выводы венгерского историка П. Ж. Паха, немецкого автора Нихтвейса и др.⁵⁰. Наконец, подобную интерпретацию можно встретить и у историков, которые утвер-

⁴² А. Оцета. *Le second servage ...*, p. 345.

⁴³ А. Оцета. *Considerații ...*, p. 387.

⁴⁴ А. Оцета в своей работе неоднократно ссылался на статью С. Д. Сказкина, а на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме (август 1960 г.) выступил в прениях по докладу С. Д. Сказкина, изложив основные положения своей работы о «втором крепостном праве» в Дунайских княжествах.

⁴⁵ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 106.

⁴⁶ А. Оцета. *Considerații ...*, p. 327.

⁴⁷ *Ibid.*, pp. 329—330.

⁴⁸ См. материалы дискуссии о «втором крепостном праве» в Румынии, начатой в 1960 г. («*Studii*», 1961, № 3, pp. 729—737).

⁴⁹ «*The Transition from Feudalism to Capitalism*». «*A Symposium by P. Sweezy, M. Dobb, H. K. Takahashi, R. Hilton, C. Hill*». London. 1955.

⁵⁰ П. Ж. Пах. Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 69—75. В настоящее время П. Пах отказался

ждают, что в Японии XVI в. имело место «второе крепостное право»⁵¹. Перед нами, несомненно, одно и то же направление в европейской историографии. Оно было подробно рассмотрено в трудах Е. А. Косминского и М. А. Барга для Англии и в работе Московской сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (доклады и выступления С. Д. Сказкина, В. К. Яцунского, В. М. Лавровского и др.)⁵². Однако румынские сторонники этого направления, исходя из такого обоснования «второго крепостничества», при котором оно обязательно связано с генезисом капитализма, оказались более последовательными и отнесли названное явление в Дунайских княжествах к такому периоду, когда здесь действительно шел процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений (то есть на отрезке времени 1831—1864 гг.), тогда как для большинства других стран это обычно связывалось со временем, когда зарождение капиталистических отношений оспаривается большинством исследователей.

Однако точку зрения А. Оцети разделяют далеко не все румынские историки. Против нее выступили Н. КонстантINESКУ, Г. Зане, В. Мачиу во время дискуссии, начатой в апреле 1960 г. при Отделении исторических наук АН СРР⁵³. А. Оцети и его оппоненты выступили с докладами по этому спорному в румынской историографии вопросу и перед советскими историками в Москве, в Институте истории АН СССР (1962—1963 гг.).

Одним из главных оппонентов, оспаривающих постановку вопроса о «втором крепостном праве» в Дунайских княжествах, является Н. КонстантINESКУ. По его мнению, А. Оцети включает в понятие «второе крепостное право» совершенно иное содержание, чем Ф. Энгельс, и неправомерно связывает его с генезисом капитализма в сельском хозяйстве. В своей аргументации Н. КонстантINESКУ ссылается на К. Маркса, который в «Капитале» дал блестящий анализ причин роста барщины в Дунайских княжествах в первой половине XIX в., не прибегая к выражению «второе крепостное право»⁵⁴. Это действительно так. Но истины ради нужно сказать, что в 60-е годы XIX в., то есть когда К. Маркс писал «Капитал», еще не возникла и сама постановка вопроса о «втором крепостном праве», которая впервые появилась в 1882 году⁵⁵. Другой вопрос, насколько сходны аграрные отношения в остэ debateckой Германии, о которых писал Ф. Энгельс, и в Дунайских княжествах XVIII—середине XIX века. Действительно, на первый взгляд нельзя не увидеть определенного сходства: и там и здесь наблюдалось сначала фактическое ослабление, а затем усиление крепостного права. Но выступившие в ходе дискуссии румынские историки обратили внимание и на ряд существенных различий принципиального характера⁵⁶. Изменения в системе «внеэкономического принуждения» в остэ debateckой Германии и в Дунайских княжествах происходили в разных условиях. В Молдавии и Валахии аграрные реформы середины XVIII в. лишь юридически оформили перенесение центра тяжести в этом вопросе с вотчины

от этой точки зрения (P. P. sch. Die Entstehung der Kapitalistischen Grundrente in der Westeuropäischen Agrarentwicklung. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Т. II. 1960, S. 77—111; J. Nichtweiss. Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin. 1954).

⁵¹ А. Л. Гальперин. К вопросу о генезисе капитализма в Японии. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», стр. 9.

⁵² См. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г.».

⁵³ «Discuția publică cu privire la «iobăgia a doua în țările din Centrul și Răsăritul Europei» și «iobăgia a doua în Moldova și Țara Românească», «Studii», 1961, № 3, pp. 729—737.

⁵⁴ «Studii», 1961, № 3, p. 735.

⁵⁵ См. письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 15, 16 и 22 декабря 1882 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV) и работу Ф. Энгельса «Марка» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 627—645).

⁵⁶ «Studii», 1961, № 3, pp. 730, 732, 734—736.

на феодальное государство, через которое централизованным путем присваивалась подавляющая часть прибавочного продукта. Не случайно накануне реформы 1746—1749 гг., отменившей систему «вечинита», все крестьяне были прикреплены к месту несения податей⁵⁷. В первой половине XIX в., когда удельный вес централизованного пути присвоения прибавочного продукта стал падать и наметился рост вотчинной эксплуатации, положение дел стало меняться в обратную сторону. Органический регламент 1831 г. отразил эту тенденцию. Но полностью оформление такой же системы крепостного права, как в странах «второго издания крепостничества» или в России, здесь не произошло⁵⁸. К этому времени наметилась уже принципиально иная тенденция — развитие в недрах феодальной формации новых, капиталистических отношений.

Те явления, которые А. Оцетя именует «вторым крепостничеством», были величайшим тормозом в развитии капиталистических отношений и отнюдь не «открыли путь» этому развитию. Они, однако, привели к таким переменам в недрах феодализма, при которых зарождавшиеся ростки, элементы и, наконец, сам капиталистический уклад мог в конкретно-исторических условиях Молдавии и Валахии развиваться только по прусскому пути. Действительно, если в середине XVIII в. подавляющая часть земель находилась в пользовании крестьян, то в середине XIX в., по свидетельству румынского революционного демократа Н. Бэлческу, $\frac{2}{3}$ земель приходилось на барское хозяйство и лишь $\frac{1}{3}$ составляла базу мелкого крестьянского производства. Румынские историки И. Адам и Н. Марку, авторы монографии о развитии капитализма в сельском хозяйстве княжеств, привели сведения о резком уменьшении размеров земли, находившейся в пользовании мелкого крестьянского хозяйства в первой половине XIX века⁵⁹.

Как отмечают румынские историки В. Мачиу и Д. Бериндей, аграрные законы 1851—1852 гг. были, по сути дела, попыткой превращения всей земли в полную собственность помещиков⁶⁰. Но эта попытка не была реализована до конца из-за ожесточенного сопротивления крестьян⁶¹. Вопрос о собственности на землю, вокруг которого разгорелись споры, стал предметом исследования ряда авторов: В. Попович, Д. Бериндей, Е. Негруци-Мунтяну и др.⁶².

Буржуазная реформа 1864 г. в Дунайских княжествах исходила преимущественно из сложившегося соотношения размера барской и крестьянской земли. В результате проведения этой реформы, как признают авторы соответствующего раздела четвертого тома «Истории Румынии» Д. Бериндей и В. Мачиу, в собственности крестьян было фактически оставлено лишь от 25 до 33% тех земель, которыми они пользовались в конце XVIII — начале XIX века⁶³. Такое значительное сокращение

⁵⁷ П. В. Советов. Указ. соч., стр. 169—172; Д. Драгнев. Аграрное законодательство К. Маврокордата, стр. 260.

⁵⁸ A. Oțetea. Constrîngerea extraeconomică a clăcașilor la începutul secolului al XIX-lea. «Studii și referate privind istoria Romîniei». Part I. București. 1954, pp. 1055—1076; «Istoria Romîniei». Vol. III, pp. 945—948, 953—957; S. C. O l u m b e a n u. Op. cit. «Studii și materiale de istorie modernă». Vol. II, 1960, pp. 50—54.

⁵⁹ I. Adam și N. Marcu. Studii despre dezvoltarea capitalismului în agricultura Romîniei. București. 1956, p. 103; «Istoria Romîniei». Vol. III, pp. 635—636.

⁶⁰ V. Măciu. Caracterul legiurilor agrare din Romînia din deceniile VI și VII ale secolului XIX». «Comunicări și articole de istorie» București. 1955, pp. 63—67; D. Berindei. «Problema reformei agrare în Principate la mijlocul veacului trecut. «Studii», 1964, № 3, p. 522.

⁶¹ D. Berindei. Op. cit., p. 523.

⁶² V. Popovici. Probleme sociale în dezbaterile Divanului ad-hoc al Moldovei. «Studii și cercetări științifice, Istorie», Iași. 1959, X, fasc. 1—2; D. Berindei. Op. cit., pp. 519—545; «Dezvoltarea economiei Moldovei între anii 1848 și 1864». București. 1963, pp. 145—152.

⁶³ «Istoria Romîniei». Vol. IV, p. 381; D. Berindei. Op. cit., p. 544.

крестьянского землепользования привело к тому, что в Дунайских княжествах в пореформенный период был сравнительно (не только с Юго-Восточной, но даже с Центральной и Восточной Европой) высокий удельный вес помещичьих земель, составлявших экономическую основу всех пережитков феодализма в сельском хозяйстве. После проведения реформы 1864 г. в крестьянской собственности (как отмечается в четвертом томе «Истории Румынии») оказалось всего 30% всех земель, а в собственности помещиков и государства—около 70%⁶⁴. Это определило развитие сельского хозяйства Молдавии и Валахии по прусскому пути, при котором капиталистические формы эксплуатации переплетаются с сильными остатками феодального угнетения⁶⁵.

И если бы в первой половине XIX в. не имели место те явления, которые А. Оцетя назвал «вторым крепостничеством» и которые фактически заключались в огромном росте вотчинного производства, увеличении барского землепользования и эксплуатации крестьян при параллельном сокращении удельного веса мелкого крестьянского производства и землепользования, а также централизованной системы эксплуатации, то, несомненно, черты прусского пути в капиталистическом развитии Дунайских княжеств были бы, как и в целом на юго-востоке Европы, менее выраженными. Ведь ряд болгарских историков, например, Николай Тодоров, даже поставили вообще под сомнение вывод некоторых исследователей о чертах «прусского пути» развития для юго-востока, и в частности для Болгарии XIX века⁶⁶. В том-то и дело, что те процессы, которые произошли в Дунайских княжествах в первой половине XIX в., приблизили Молдавию и Валахию благодаря росту барского и сокращению удельного веса крестьянского производства к прусскому пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Тем самым развитие капитализма в сельском хозяйстве Дунайских княжеств приблизилось к тому положению, которое было известно странам Центральной и Восточной Европы, где прусский путь был более ярким, чем в Юго-Восточной Европе.

Итак, в современной румынской историографии сторонники направления, возглавляемого А. Оцетей, обратили внимание на эти сдвиги в аграрном развитии княжеств, однако они не учли в достаточной степени пробивавшиеся сквозь толщу феодализма ростки и элементы новых, капиталистических отношений. Становление последних мыслилось лишь как логическое продолжение процессов «второго крепостного права», своего рода их перерождение, а не как наличие двух различных тенденций развития.

В этом, конечно, слабая сторона данного направления. Между тем у основных ее оппонентов также были свои уязвимые места. Они главное внимание уделяли «росткам» и «элементам» и не всегда принимали во внимание особенности феодализма, сквозь которые пробивались эти новые явления. В результате отдельные специфические проявления феодальных отношений принимались ими за черты новых, капиталистических отношений. Особенно это сказалось при рассмотрении вопроса денежной ренты в Молдавии и Валахии первой половины XVIII века. Некоторые авторы (Н. Кориван, И. Грамадэ и др.) были склонны к мысли, что с распространением денежной ренты в Дунайских княжествах наступила эпоха разложения феодализма и генезиса капитализма⁶⁷. Причем удельный вес денежной ренты для них служил главным показателем степени разложения феодализма⁶⁸. Это — то самое восприятие

⁶⁴ «Istoria României». Vol. IV, pp. 382, 384, 446.

⁶⁵ Ibid., p. 384.

⁶⁶ Н. Тодоров. Изучение аграрной истории в Болгарии. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959», стр. 390.

⁶⁷ N. Corivan și I. Gramăda. Op. cit., pp. 257—279.

⁶⁸ Ibid., p. 263.

распространения денежной формы феодальной ренты как «некое автоматическое начало разложения феодального общества», о котором недавно писал М. А. Барг. Такое восприятие наблюдается у части современных историков западноевропейского феодализма⁶⁹. Высокий удельный вес денежной ренты был свойствен Юго-Восточной Европе еще в предшествующий период (то есть в XVI—XVII вв.), когда ни о каком развитии капитализма здесь не было и речи. В. Мутафчиева утверждает, что денежная рента в XV—XVI вв. составляла в болгарских землях Турецкой империи от 50 до 60% феодальной ренты. По мнению болгарского историка, такое положение «обуславливалось специфическими чертами османского феодализма XV—XVI вв.», а не развитием капиталистических отношений⁷⁰. А ведь в Молдавии первой половины XVIII в. денежный оброк, несмотря на возрастание его удельного веса по сравнению с предыдущим периодом, вообще еще не составлял основного вида ренты. Тем более он не может служить единственным признаком разложения здесь феодализма.

Выявление сложившихся в пору позднего феодализма особенностей развития аграрных отношений особенно важно для исследования процесса первоначального накопления. Эти особенности наложили своеобразный отпечаток на указанный процесс, в частности и на переход от феодализма к капитализму в Юго-Восточной Европе в целом. Между тем до сих пор в историографии рассматривается не столько проблема особенностей развития процесса первоначального накопления, сколько вопрос о его задержке⁷¹. Эта черта свойственна и новейшему изданию «Истории Румынии»⁷². Видимо, поэтому во введении к третьему тому, охватывающему период до 1848 г., говорится, что первоначальное накопление — одна из главных проблем перехода от феодализма к капитализму — и некоторые другие вопросы «не могли еще получить вполне удовлетворительного разрешения»⁷³. В книге разрешение этих проблем предлагается проводить и в дальнейшем путем историко-сравнительных исследований процесса первоначального накопления в Восточной Европе и Дунайских княжествах. Продолжать такие исследования, безусловно, нужно. Но при этом необходимо учитывать одно весьма существенное обстоятельство, на которое до сих пор мало обращали внимание, в результате чего на Дунайские княжества распространялось аналогичное с Восточной Европой решение вопроса об отдельных сторонах первоначального накопления.

В Дунайских княжествах, как и в ряде районов Балканского полуострова, отдельные стороны процесса первоначального накопления имели несколько иное соотношение, чем в России и в других государствах Восточной Европы. В Молдавии и Валахии мы сталкиваемся с более слабым, заторможенным из-за турецкого ига процессом накопления капиталов по сравнению с Восточной Европой, с менее острой на первых порах проблемой создания рынка свободных рабочих рук при наличии своеобразного комплекса причин, задержавших развитие наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности.

Молдавия и Валахия испытали на себе (при определенных различиях) разрушительные последствия колониального грабежа методами первоначального накопления. В современной литературе справедливо отмечается, что Дунайские княжества служили источником накопления

⁶⁹ М. А. Барг. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 75.

⁷⁰ V. P. Mutačieva. De l'exploitation féodale dans les terres de population Bulgare sous la domination turque au XV et XVI s. «Études historiques». Sofia. 1960, pp. 158—160, 168.

⁷¹ G. Georgescu-Buzău. Descompunerea feudalismului și începuturile capitalismului în Țara Românească și Moldova. București. 1949.

⁷² «Istoria României». Vol. III, pp. 585—594.

⁷³ Ibid., p. XVI.

капиталов не только для местной буржуазии, но и для буржуазии Турции, Греции и отчасти Австрии⁷⁴.

Материальные средства, которые могли бы служить основой для первоначального накопления в Дунайских княжествах, уплывали в Османскую империю, в страну, которая в XVIII — начале XIX в. сама попала в экономическую зависимость от западноевропейских держав. В результате Дунайские княжества служили источником прямого накопления не только для турецкой, австрийской, греческой, но косвенно и для западноевропейской буржуазии. Правда, при освещении последнего обстоятельства мы сталкиваемся с еще мало разработанным в литературе вопросом о многоступенчатой утечке капиталов из княжеств. Следует отметить, что если западные (французские, английские, голландские и др.) торговцы имели больше привилегий, чем местные купцы в Турции, то, в свою очередь, купцы из Османской империи пользовались лучшими условиями для торговли в Дунайских княжествах по сравнению с местными молдавскими и валашскими купцами⁷⁵. Кроме того, происходило и прямое выкачивание денежных средств и материальных ценностей из Дунайских княжеств в Турцию, что весьма тормозило процесс первоначального накопления⁷⁶.

По мнению румынского историка М. Берза, Турция была главным получателем доходов из Дунайских княжеств еще в предыдущий период, пользуясь централизованной системой феодальной эксплуатации крестьян⁷⁷.

Несмотря на разные цифры, приводимые в литературе, огромная утечка денежных средств и капиталов из княжеств за счет господствовавшей централизованной системы эксплуатации и других каналов не подлежит сомнению. А это сказывалось самым непосредственным образом на процессе первоначального накопления.

Воздействие вышеупомянутых явлений на процесс зарождения капиталистических отношений в известной мере учитывается и исследуется большинством историков. Однако при постановке вопроса о генезисе капитализма в Дунайских княжествах авторы как бы копируют рассмотрение проблемы о соотношении различных сторон первоначального накопления в тех странах, где аккумуляция капитала происходила в условиях отсутствия колониального (или полуколониального) гнета, в частности в Англии и России.

В Молдавии и Валахии (до известного времени), как и в других странах Балканского полуострова, более остро ощущалась не столько нехватка свободных рук (как это было в России), сколько недостаточное накопление капиталов, а также замедленный процесс превращения купеческого и ростовщического капитала в промышленный. Не случайно А. Оцетя подчеркивает, что в княжествах был распространен коммер-

⁷⁴ «Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România. Sub red. N. N. Constantinescu». București, 1959, p. 12; «Istoria României». Vol. III, p. 588.

⁷⁵ Так, в Турции для французских купцов экспортные и импортные пошлины составляли 3%, а турецкие купцы платили 10% (А. Д. Новичев. История Турции. Л. 1963, стр. 212). В Молдавии и Валахии турецкие торговцы платили 3% пошлины, а местные вносили от 5 до 10%. Плата за транзит бралась только с местных купцов.

⁷⁶ Согласно примерным подсчетам П. Г. Дмитриева и П. В. Советова, для 90-х годов XVIII в. весь прибавочный продукт распределялся следующим образом: в Турцию уходило до 50—60%, господарю — до 15%, боярству — свыше одной четверти и духовным феодалам — около 3% (П. Дмитриев и П. Советов. Указ. соч.).

⁷⁷ «Istoria României». Vol. II, p. 788. А. Оцетя дает для Валахии 1818—1819 гг. несколько иное соотношение: на долю Турции приходилось 35%, господаря — 25%, феодалов — 40%. Однако сам автор признает, что реальная доля Турции здесь занижена, так как в подсчетах не учитывался по крайней мере 1 млн. талеров (что составляет почти 50% той суммы, которую автор определил как отходящую в пользу Турции). Более низкая доля Турции в 20-х годах XIX в. по сравнению с последним десятилетием XVIII в. свидетельствует о том, что удельный вес централизованной системы эксплуатации стал постепенно падать («Istoria României». Vol. II, p. 708).

ческий капитал, который еще не подчинил себе производства⁷⁸. В Дунайских княжествах было сравнительно мало мануфактур. Это дало повод румынскому историку Л. Бойку выступить с утверждением о том, что Молдавия вообще миновала стадию мануфактурного производства⁷⁹. Подобная мысль, хотя и осторожно, проводится и в третьем томе «Истории Румынии». Условия, в которых находились Дунайские княжества, говорится в книге, «не позволили полностью выкристаллизоваться мануфактурному периоду в развитии нашей капиталистической промышленности»⁸⁰.

Такое положение наблюдалось в тех странах Востока, где в период зарождения капиталистических отношений установилось иноземное иго. По мнению К. Антоновой, Индия миновала переходный мануфактурный период⁸¹. Совсем другое положение сложилось в Центральной и Восточной Европе. Чешские историки А. Клима и И. Мацурек полагают, что «в исторической литературе Центральной Европы (мы можем это распространить и на Восточную Европу.— Авт.) огромная важность мануфактуры является ныне общепризнанной»⁸².

Итак, для Дунайских княжеств при рассмотрении такой стороны первоначального накопления, как аккумуляция капитала и его превращение в организатора производства, должен быть несколько иной подход, чем для стран Центральной и Восточной Европы. Положение в Молдавии и Валахии во многом напоминало положение, сложившееся в остальной части Юго-Восточной Европы, хотя полностью с ним и не совпадало.

Разумеется, подход к вопросу о накоплении капиталов в Дунайских княжествах не может быть идентичным для всего периода перехода от феодализма к капитализму. В его развитии можно наметить несколько этапов.

По мнению румынских и советских историков (А. Оцети, И. Адама, Н. Марку, Е. Негруци-Мунтяну, Л. Бойку, Н. Коривана, К. Турку, Н. КонстантINESКУ, Н. Березнякова, Ю. Баскина и др.), после устранения турецкой монополии в 1829 г., когда Дунайские княжества были втянуты в сферу мировой торговли, а выкачивание денежных и материальных средств значительно сократилось, положение стало меняться. В 1831 г. экспорт княжеств оценивался в сумме 33 млн. лей, в 1833 г.— 61 млн., а в 1871 г.— 71 млн. лей⁸³. Одновременно росли цены на зерно, увеличивались площади посевов под пшеницей, которые в 1833 г. удвоились по сравнению с 1829 г., а в 1840 г. стали в 10 раз больше, чем в 1830 году⁸⁴. Вот когда в Молдавии начало бурно развиваться товарное земледелие (Ф. Бродель относил это к XVI веку). Именно в 30—40-х годах XIX в. констатирует С. Колумбяну, животноводство перестал быть наиболее товарной отраслью сельского хозяйства, уступая к середине века первое место зерновому производству⁸⁵. Во всяком слу-

⁷⁸ «Istoria României». Vol. III, p. 586.

⁷⁹ Л. Бойку. О мануфактурном периоде промышленности Молдовы. «Nouvelles études d'histoire». Bucureşti. 1960, pp. 347—357.

⁸⁰ «Istoria României». Vol. III, p. 647.

⁸¹ К. Антонова. О генезисе капитализма в Индии. «О генезисе капитализма в странах Востока», стр. 183—190.

⁸² А. Клима, И. Мацурек. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI—XVIII вв.). «Средние века». Сборник. Вып. XX. М. 1961, стр. 199. (Текст доклада на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме.)

⁸³ А. Офетеа. Considerații ..., p. 358. В «Истории Румынии» (vol. III, p. 933). А. Оцета пишет о более низких темпах роста экспорта: за 18 лет (1830—1848 гг.) он увеличился лишь в два раза.

⁸⁴ А. Офетеа. Considerații ..., p. 358.

⁸⁵ S. Columbeanu. Evoluția raporturilor agrare în Tara Românească după răscola lui Tudor Vladimirescu pînă la Regulamentul organic (1822—1831) în «Studii și materiale de istorie modernă». Vol. II, 1960, p. 7; В. Я. Гросул. О соотношении животноводства и земледелия в Дунайских княжествах в начале XIX в., стр. 109—123.

чае, Д. Бериндей и В. Попович в четвертом томе «Истории Румынии» отмечают без оговорок, что в 1848—1864 гг. «земледелие было главной отраслью экономики»⁸⁶. А по мнению Г. Жоржеску-Бузэу, еще в период, предшествовавший революции 1848 г., «зерновые достигли первого места в экспорте»⁸⁷. Одновременно быстро рос грузооборот в портах Браила и Галац, что свидетельствует о значительном увеличении торгового баланса⁸⁸.

Таким образом, после 1829 г., то есть после Адрианопольского договора, наблюдаются два явления, повлиявшие на дальнейшее накопление капиталов в Молдавии и Валахии. С одной стороны, падает доля Турции и в целом сокращается выкачивание средств из княжеств, с другой — ощущается заметный рост производительных сил, особенно товарного земледелия. Оба эти фактора создали благоприятные условия и возможности накопления капиталов, ускорив развивавшиеся до того весьма медленно процессы. Не случайно большинство историков считает необходимым говорить о серьезном скачке в первоначальном накоплении в сфере обращения и о превращении торгового и ростовщического капитала в промышленный лишь после 1829 года. Несмотря на то, что период после 1829 г. был, по утверждению большинства советских и румынских историков, одним из важнейших этапов в создании благоприятных условий для накопления капиталов, однако острый недостаток в капитале, причем не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве⁸⁹, ощущался и в последующее время. Как отмечается в «Истории Румынии», проведение реформ 1864 г. значительно продвинуло вперед накопление капиталов за счет выкупных платежей крестьян за землю⁹⁰. Но и в пореформенный период одной из основных причин, которые «задерживали развитие капитализма в 1864—1878 гг., был недостаток капиталов, необходимых для капиталистического производства. По этой причине для удовлетворения потребностей промышленности и государства стали обращаться к иностранным капиталам, которые не запоздали появиться с помощью местной буржуазии и помещиков для колониальной эксплуатации рабочей силы и естественных богатств страны»⁹¹.

Итак, в Дунайских княжествах процесс первоначального накопления прошел два основных этапа — до Адрианопольского мира (1829 г.) и после него. О том, что с 30-х годов XIX в. здесь начался новый этап в первоначальном накоплении, в современной историографии нет серьезных разногласий. Что касается определения первого периода, до Адрианопольского договора 1829 г., то на этот счет имеется значительное расхождение во мнениях, происшедшее в результате различной оценки особенностей первоначального накопления в Дунайских княжествах. Н. КонстантINESКУ и Е. Негруци-Мунтяну относят начало этого процесса не позднее середины XVIII в.⁹², С. Виану — к последней четверти того же столетия (после Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г.)⁹³, Н. Березняков — к концу XVIII в.⁹⁴, В. Дикулеску — к концу XVIII — началу XIX века⁹⁵. П. Г. Дмитриев считает, что в третьей четверти XVIII в. из-за тяжелого турецкого гнета «возможность накопления капитала за-

⁸⁶ «Istoria Romîniei». Vol. IV, p. 180.

⁸⁷ Ibid., p. 17.

⁸⁸ I. Adam și N. Marcu. Op. cit., p. 26; «Istoria Romîniei». Vol. III. pp. 976—978.

⁸⁹ «Dezvoltarea economiei Moldovei între anii 1848 și 1864», pp. 39, 379, 480, 485.

⁹⁰ «Istoria Romîniei». Vol. IV, pp. 442—443.

⁹¹ Ibid., pp. 442—443.

⁹² N. N. Constantinescu. Op. cit., p. 12; «Dezvoltarea economiei Moldovei...», p. 140.

⁹³ S. Vianu. Cu privire la problema descompunerii feudalismului..., pp. 801—807.

⁹⁴ Н. Березняков. Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг. Кишинев. 1955. стр. 4—5.

⁹⁵ V. Diculescu. O manufactură de ceramică la Tîrgu-Jui. București. 1956, p. 8.

держивалась»⁹⁶. Н. Аданилоае, И. Адам и Н. Марку относят возникновение процесса первоначального накопления к первой четверти XIX века⁹⁷. В последнем издании «Истории Румынии» написано, что период первоначального накопления начинается одновременно с периодом разложения феодализма, то есть в последних десятилетиях XVIII века⁹⁸.

Не менее спорна в современной историографии и другая сторона процесса первоначального накопления — отделение непосредственного производителя от средств производства и образование рынка рабочей силы. Во многих работах этот процесс отождествляется с процессами, имевшими место в Центральной и Восточной Европе⁹⁹, без учета специфики развития юго-востока и, в частности, Дунайских княжеств на первом этапе (до 30-х годов XIX в.), когда нехватка свободных рабочих рук не ощущалась так остро, как в других странах Восточной Европы. Болгарские историки отмечают, что в ряде балканских районов, входивших в состав Османской империи, в первой половине XIX в. имелись свободные рабочие руки, но накопленный капитал не являлся еще организатором производства, в результате чего рабочие, не найдя достаточного применения в своей стране (в частности в Болгарии), эмигрировали в соседние страны¹⁰⁰.

Одним из основных источников формирования рынка рабочей силы в Дунайских княжествах являлось сельское население, в первую очередь крестьяне — мелкие землевладельцы (резешы и мошняне), разорение которых принимало все большие масштабы.

Проблема резешского и мошнянского землевладения в Молдавии и Валахии — одна из наиболее спорных в историографии. На Минской сессии симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы (1962) и на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве (1964) было признано, что резешские и мошнянские поселения являются разновидностью так называемого долевого землевладения¹⁰¹. Установление этого факта имеет определенное значение для понимания генезиса капиталистических отношений в Дунайских княжествах. Известно, что общинное землевладение оказывало тормозящее воздействие на расслоение крестьян, долевая же деревня, наоборот, способствовала этому процессу при наличии, конечно, других факторов¹⁰². До появления капиталистических отношений обезземелившиеся крестьяне, как правило, не превращались в наемных рабочих, а попадали в феодальную зависимость. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением тех историков, которые усматривают в процессе первоначального накоп-

⁹⁶ П. Г. Дмитриев. Консидераций асупра релациилор социал-економиче ал мештешугарилор дин Яш ын ал трейля сферт ал вякулуй XVIII. «Известия» АН МССР, № 2, 1963, стр. 66.

⁹⁷ N. Adaniłoaie. Boerii și răscoala condusă de Tudor Vladimirescu. București. 1956, pp. 33—39; I. Adam și N. Marcu. Op. cit., pp. 7—8.

⁹⁸ «Istoria României». Vol. III, p. 585.

⁹⁹ Л. Бойку. Указ. соч., стр. 347—357.

¹⁰⁰ N. Todorov. La genèse du capitalisme dans les provinces bulgares de L'empire Ottoman ou cours de la première moitié du XIX-ém siècle. «Études historiques». Sofia. 1960, p. 249; V. Paskaleva. Les Relations commerciales des contrées bulgares avec les pays occidentaux et la Russie au cours de la première moitié du XIX s. «Études historiques». Sofia. 1960, pp. 253—279, 281.

¹⁰¹ П. Советов. Проблема долевого землевладения в Европе (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М. 1964, стр. 2, 6—9; Д. Драгнев и П. Советов. О резешском землевладении в Молдавии XVI — середина XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962». Минск. 1964. Более полно историография вопроса о резешах и мошнянах представлена в статье: Я. Гросул, Д. Драгнев, П. Советов. Основные этапы развития и разложения резешского землевладения в Молдавии. «Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 79, 1965. См. также Н. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964, стр. 256—258.

¹⁰² Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. «История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79.

ления постепенное разложение долевого землевладения, на самом же деле до определенного времени обезземеливание крестьян-дольщиков не приводило к возникновению новых, капиталистических отношений, оно происходило в рамках старых, феодальных отношений¹⁰³. Совершенно иное значение приобрело наличие значительного контингента разорившихся крестьян—мелких землевладельцев в тот период, когда началось разложение феодализма и генезис капитализма. Не случайно румынский историк Г. Платон находит наиболее ранние следы возникновения капиталистических отношений в деревне именно в резешских селах¹⁰⁴.

Однако возможности формирования рынка рабочей силы в Молдавии и Валахии определялись не только прогрессирующим процессом расслоения в среде резешей и мошнян, но и в основной массе крестьян, находившихся в состоянии феодальной зависимости. Правда, вопрос о буржуазном расслоении среди основной массы крестьян (царан) пока еще в литературе освещен слабо, к тому же исследователи не всегда отличают имущественную дифференциацию от буржуазного расслоения в деревне¹⁰⁵. Однако главная опасность неправильного толкования причин, задерживавших развитие этих процессов, кроется в отождествлении степени развития крепостного права в Дунайских княжествах с системой «внеэкономического принуждения» в странах Восточной Европы в период зарождения там капиталистических отношений¹⁰⁶. Между тем для Молдавии и Валахии вопрос о крепостном праве как тормозе и препятствии для создания рынка свободной рабочей силы за счет основной массы зависимых крестьян не может стоять в такой же плоскости, как для стран Восточной Европы. По мнению большинства румынских и советских историков, со второй половины XVIII в. в Дунайских княжествах крестьяне имели (хотя и ограниченное) право перехода. Правда, в первой половине XIX в. произошло заметное усиление крепостничества (это было отражено в определенной степени Органическим регламентом), но оно далеко не достигло той интенсивности, какая наблюдалась в большинстве стран Восточной Европы.

Система крепостничества в вотчине молдавского и валашского феодала была далеко не такой завершенной (особенно в юридическом плане), как и во многих странах Центральной и Восточной Европы, когда там началось развитие новых, капиталистических отношений. Это становится очевидным для Молдавии и Валахии второй половины XVIII — начала XIX в., то есть после реформ К. Маврокордата, юридически упразднивших личную крепостную зависимость крестьянства. Как мы видели, централизованная система феодальной эксплуатации привела к ослаблению системы «внеэкономического принуждения» в вотчине. Впоследствии по мере роста вотчинной эксплуатации право выхода крестьян было ограничено Органическим регламентом (в концепции А. Оцети, оформившем «второе крепостное право» в Дунайских княжествах). Однако этот регламент не только не отменил полностью право выхода, но даже формально подтвердил реформу К. Маврокордата 1746—1749 годов¹⁰⁷. Во всяком случае, здесь мы имеем дело не с такой же системой крепостничества, какая сложилась в России того же времени. В отличие

¹⁰³ «Dezvoltarea economiei Moldovei...», p. 232.

¹⁰⁴ G. P l a t o n. Cu privire la dezvoltarea pieței interne a Moldovei în preajma Regulamentului organic. «Analele științifice ale Universității Al. I. Cuza». Iași, sec. III, vol. V, 1959, pp. 19—47; см. также «Dezvoltarea economiei Moldovei...», p. 87.

¹⁰⁵ «Dezvoltarea economiei Moldovei...», p. 65; G. P l a t o n. Op. cit., pp. 19—47; C. I s t r a t e. Despe diferentierea țaranimii clăcase în regiunea de munte a Moldovei la sfîrșitul sec. al XVIII-lea și începutul sec. al XIX-lea. «Studii și cercetări științifice istorie». Iași, 1961, fasc. 1.

¹⁰⁶ Собственно говоря, таким отождествлением является сама постановка вопроса о «втором крепостном праве» в Дунайских княжествах 30—60-х годов XIX в. (см., например, материалы дискуссии о «втором крепостном праве» («Studii», 1961, № 3, p. 733).

¹⁰⁷ «Istoria României». Vol. III, pp. 941—942, 956—957.

от румынских историков, некоторые советские авторы, анализирующие Органический регламент, приходят к заключению, что вообще «молдавских и валашских крестьян нельзя считать крепостными...»¹⁰⁸. Статья 144 Органического регламента устанавливала поводы для выхода крестьян. Вначале уходить из селений крестьяне могли не больше, чем одна-две семьи в течение одной переписи¹⁰⁹. Но в 1837 г. в Валахии был издан закон, согласно которому разрешался уход крестьян в город, если они приобрели путем покупки или наследования земельные участки с домом. Румынские историки признают, что уход крестьян принял в эти годы характер «легального отлива». За счет сельских жителей были основаны и выросли многие города на берегу Дуная¹¹⁰. Правда, в 1843 г. законодательный акт 1837 г. был на время отменен. Что касается Молдавского княжества, то румынские исследователи отмечают: «В отличие от Валахии в Молдавии боярам не удалось остановить легальный отлив крестьян в города» (выделено нами.— Авт.)¹¹¹.

Конечно, «свободными» крестьяне должны были быть не только юридически, но и в том смысле, что они «свободны» от средств производства. В этом отношении значительное ограничение крестьянского землепользования в вотчине на всем протяжении первой половины XIX в. было одним из важнейших стимулов для появления рабочих рук как товара, поскольку система «внеэкономического принуждения» в вотчине (особенно до 30-х годов XIX в.) оставляла для этого больше простора, чем во многих странах Центральной и Восточной Европы до отмены там крепостного права. Однако, несмотря на это, распространение наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности происходило в Дунайских княжествах все же чрезвычайно медленно. Объясняется такое явление не только определенной системой «внеэкономического принуждения» в вотчине и слабым процессом накопления капиталов, как предполагают многие исследователи¹¹². Господствовавшая в княжествах в период позднего феодализма централизованная система эксплуатации непосредственных производителей оказала самое прямое влияние на рост наемного труда. Это обстоятельство в условиях Молдавии и Валахии, где главными получателями централизованных доходов были иноземные угнетатели, приобретает особое значение. Чрезвычайно высокий удельный вес централизованного пути феодальной эксплуатации в Молдавии и Валахии создавал серьезные препятствия для превращения свободных рабочих рук в товар. Даже оторванные от средств производства (либо мало с ними связанные) люди должны были платить весьма высокие денежные подати. Заработная плата наемного рабочего или батрака с трудом покрывала лишь одни эти государственные повинности. Предпринимателям чаще всего было невыгодно оплачивать высокие налоги сверх расходов, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Оставался один путь — добиваться освобождения от податей, к чему стремились все предприниматели, применявшие наемный труд¹¹³. Но удавалось это далеко не всем. Не удивительно, что до начала XIX в. почти все мануфактуры в княжествах были основаны господарем или вотчинниками-землевладельцами, поскольку последние скорее могли освободить рабочую силу от катастрофически высоких налогов. По мнению Н. Н. Константинеску, только три-четыре мануфактуры были в этот период купе-

¹⁰⁸ В. Гросул. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (1826—1834 гг.). М. 1964, стр. 18.

¹⁰⁹ «Istoria României». Vol. III, p. 956.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid., p. 957.

¹¹² Н. Н. Константинеску, например, отмечает, что «одна из сторон первоначального накопления — аккумуляция капиталов внутри страны — оказывала влияние в значительной мере на другую сторону этого процесса — формирования рынка свободных рабочих, отделенных от средств производства» (N. N. Constantinescu. Op. cit, p. 13).

¹¹³ Ibid., pp. 20, 22, 35, 45—46, 52.

чески¹¹⁴. В условиях отсутствия протекционистской политики большинство мануфактур, просуществовав очень недолго, закрывалось¹¹⁵.

Применение свободных рабочих рук в сельском хозяйстве было еще менее выгодным. Поэтому на первом этапе (до 30 годов XIX в.) наемная сила в сельском хозяйстве использовалась преимущественно по уходу за скотом и на виноградниках.

Что касается наемного труда на предприятиях и в вотчине, то здесь при наличии централизованной эксплуатации распространенной была работа крестьян, производившаяся в счет покрытия их предпринимательских денежных, натуральных и отработочных обязанностей крестьян перед государством. Однако освобождение от этих повинностей не всегда было полным, и иногда часть податей за крестьян должны были платить в вистерию (казначейство) владельцы предприятий¹¹⁶. Взаем лица, освобожденные от податей, обязаны были поочередно одну неделю работать бесплатно на предприятии, а вторую — заниматься своим хозяйством, которое и было их основным источником существования. Документальный материал прямо свидетельствует, что за уплату крестьянских налогов предпринимателем и за полное освобождение крестьян от податей им следовало делать всю работу бесплатно¹¹⁷. Лишь в том случае, если люди трудились на предприятии часть недели, предназначенной для ведения своего хозяйства, им полагалась небольшая денежная оплата. Такая, по сути дела, преимущественно феодальная «экономическая» эксплуатация дополнялась определенной системой «внеэкономического принуждения», сложившейся в Молдавии и Валахии в 40-х годах XVIII в. после реформы К. Маврокордата. Наибольшие преграды в праве перехода крестьян ставились именно по месту несения податей. Прикрепление к предприятию взамен уплаты государственных повинностей приводило к тому, что крестьяне и рабочие также не имели права оставить предприятия, как они не могли покинуть без разрешения властей то село, где уплачивали государственные повинности¹¹⁸.

Таким образом, в Молдавии и Валахии на первом этапе первоначального накопления (до 30-х годов XIX в.) наиболее существенным препятствием в найме свободных рабочих рук была не столько система крепостного права в вотчине (как в других странах Восточной Европы), сколько централизованная форма феодальной эксплуатации и соответствующая ей система «внеэкономического принуждения».

По мере падения удельного веса централизованной системы эксплуатации (особенно после Адрианопольского договора и Органического регламента) создавались более благоприятные условия для найма свободной рабочей силы. Применение наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности во второй трети XIX в. значительно возросло¹¹⁹, несмотря на то, что крепостничество в вотчине усилилось и стало более ощутимым, чем раньше, тормозом на пути формирования рынка свободной рабочей силы в стране. Не случайно в это время недостаток свободных рабочих рук стал гораздо более ощутимым, чем раньше. Историки говорят даже о «кризисе рабочей силы» в 40—50-х годах XIX века¹²⁰.

Более широкое применение во второй трети XIX в. найма рабочей силы в сельском хозяйстве Дунайских княжеств развивается параллельно втягиванию на более широкой основе барского хозяйства в про-

¹¹⁴ Ibid., p. 19.

¹¹⁵ «Istoria României». Vol. III, p. 644.

¹¹⁶ N. N. Constantinescu. Op. cit., pp. 20—21; V. Dieulescu. Op. cit., pp. 15—31; C. Serban. Interpretarea manufacturieră de postav de la Pociovașițe. «Studii», 1952, № 3.

¹¹⁷ N. N. Constantinescu. Op. cit., pp. 20—21, 28.

¹¹⁸ Ibid., p. 22.

¹¹⁹ «Dezvoltarea economiei Moldovei. . .», p. 22.

¹²⁰ Ibid.

изводство продуктов на рынок. Рост сельскохозяйственного производства достигался как за счет увеличения барщины, то есть на феодальной основе, так и благодаря возраставшему применению свободных рабочих рук, то есть на капиталистической основе. Переплетение этих начал, каждое из которых усилилось в абсолютных масштабах за счет резкого скачка в развитии товарности барского хозяйства во второй трети XIX в., вызывало решительное стремление изменить организацию производства и землепользование в вотчине. В конечном счете это способствовало отделению непосредственных производителей деревни от средств производства и созданию более благоприятных условий для формирования рынка свободной рабочей силы в стране.

В литературе наличие второй тенденции (то есть развития капитализма) порой преувеличивается. Румынский историк С. Колумбьяну пытается доказать, что в 20-х годах XIX в. наблюдалось активное желание помещиков изменить режим землевладения и «превратиться из владельцев поместий феодального типа в землевладельцев капиталистического типа, что было впоследствии закреплено Органическим регламентом»¹²¹. Само барское хозяйство рассматривается автором как «полная собственность капиталистического характера», которая была оформлена Органическим регламентом на 1/3 земель поместья¹²². На такую позицию встали Е. Негруци-Мунтяну и А. Оцетя¹²³. Видимо, в этом и видел А. Оцетя путь проникновения капитализма в сельское хозяйство, который именовал «вторым крепостничеством». Однако автоматическое отождествление роста барского производства с проникновением капитализма в сельское хозяйство — результат недооценки феодальных форм эксплуатации, на которых еще в значительной степени строилось это хозяйство. Д. Бериндей и В. Попович отмечают, что в земледелии Дунайских княжеств (в отличие от промышленности) феодальные отношения продолжали господствовать и лишь в 60-е годы XIX в. «проникновение капиталистических отношений в земледелие усилилось»¹²⁴. Поэтому было бы неправомерно связывать эти процессы во времени с Органическим регламентом. Н. Константинеску в монографии по истории рабочего класса Румынии дает более сдержанную оценку Органическому регламенту, считая, что он, кодифицировав барщину, поставил определенные преграды развитию капиталистических отношений¹²⁵. Недаром К. Маркс называл Органический регламент «кодексом барщинных работ»¹²⁶. Мы полагаем, что при анализе Органического регламента необходимо не забывать о борьбе двух тенденций в развитии сельского хозяйства княжеств — стремление помещиков к консервации феодальных порядков и развитие капиталистических отношений. Со временем верх берет вторая тенденция. К такому выводу приходят Д. Бериндей и В. Попович. Они считают, что закон 1851 г. представлял собой попытку помещиков стать полными хозяевами всех видов земель, поместья, а за крестьянами, как они говорят, подтвердить «свободу» личности, рабочей силы и в то же время «свободу» от земли¹²⁷.

Как показали работы румынского историка Е. Негруци-Мунтяну, эти процессы хорошо прослеживаются на арендованных землях¹²⁸. К 1857 г. в руках арендаторов находилось 90% всех монастырских вот-

¹²¹ S. Col umb e a n u. *Evoluția...* p. 67.

¹²² *Ibid.*, p. 64.

¹²³ «Istoria Romîniei». Vol. III, p. 946; «Dezvoltarea economiei Moldovei...», p. 26.

¹²⁴ «Istoria Romîniei». Vol. IV, p. 180.

¹²⁵ N. N. C o n s t a n t i n e s c u. *Op. cit.*, p. 81.

¹²⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Соч.* Т. 23, стр. 249.

¹²⁷ «Istoria Romîniei». Vol. IV, p. 185.

¹²⁸ E. N e g r u ț i. *Despre munca salariată în agricultura Moldovei în preajma legii agrare din 1864.* «Studii și cercetari științifice». Iași, an X, Istorie, 1959, fasc. 1—2, pp. 81—118.

чин Молдавии¹²⁹. Правда, как отмечает С. Колумбьяну, высокий удельный вес арендованных имений (в Валахии 2 300 из 3 100) не является сам по себе еще показателем степени развития капиталистических отношений. Большая часть имений была сдана в аренду, замечает автор, так как бояре до Адрианопольского договора существовали в основном за счет государственных, а не вотчинных доходов¹³⁰. А. Оцетя признает, что аренда, которая практиковалась в это время в княжествах, «не была капиталистической, ибо основывалась на барщинном труде, но приводила к капиталистической эксплуатации»¹³¹. В действительности в арендованных имениях особенно быстро росло применение наемного труда. Как показали исследования Д. Бериндеа и В. Поповича, в 60-х годах XIX в. в некоторых имениях применялось по 100 и более батраков¹³². Чаще всего их привлекали к уборке сена и молотье. Наемный труд применялся в первую очередь в тех районах, где товарное земледелие получило наибольшее развитие. В 1860 г. в Валахии числилось 54 332 поденщика, из которых половина находилась в земледельческих уездах Ильфов, Прахова и Дымбовица¹³³. В этом и проявлялась вторая тенденция — развитие капиталистических отношений, которая стала все больше проявляться после Адрианопольского договора и Органического регламента.

Последовавшая в 1864 г. крестьянская реформа закрепила развивавшиеся до этого еще сравнительно медленно буржуазные отношения в сельском хозяйстве княжеств¹³⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что переход от феодализма к капитализму в Дунайских княжествах происходил в особых условиях и сопровождался рядом своеобразных процессов конкретно-исторического характера, которые, в свою очередь, сказались и на складывании специфики перехода от феодализма к капитализму в целом. Разложение феодализма и генезис капитализма в сельском хозяйстве Дунайских княжеств сопровождалось переходом от преимущественного развития товарного животноводства к преимущественному развитию товарного земледелия, от господства централизованной системы эксплуатации непосредственных производителей к господству частновладельческой эксплуатации; от периода иноземного ига (когда из страны выколачивались огромные материальные и денежные ценности) ко времени его ослабления, а затем и ликвидации.

В результате, если те феодальные «недра», сквозь которые вначале пробивались ростки и элементы новых, капиталистических отношений (а отсюда в известной мере исходило и само зарождение капитализма), имели много общего с теми, что существовали в целом на юго-востоке Европы, то дальнейшее развитие «нисходящей» стадии феодализма и генезис капитализма в сельском хозяйстве Дунайских княжеств в XIX в. (более заметно с 30-х годов и особенно после буржуазной реформы 1864 г.) пошли таким путем развития, который оказался более сходным с процессами, происходившими в странах Центральной и Восточной Европы.

¹²⁹ «Istoria României». Vol. IV, p. 183.

¹³⁰ S. C o l u m b e a n u. *Evoluția...*, pp. 11—12.

¹³¹ «Istoria României». Vol. III, pp. 950—951.

¹³² *Ibid.* Vol. IV, p. 188.

¹³³ *Ibid.*, p. 189.

¹³⁴ D. B e r i n d e i. *Op. cit.*, pp. 519—546.